

Зверские опыты

Анатолий Зверев в галерее «Кино»

выставка графика

В галерее «Кино» открылась выставка «Анатолий Зверев. Гений графики», на которой представлено более 50 графических работ легендарного героя советского андерграунда. Рассмотреть что-то новое в наследии Анатолия Зверева пыталась ИРИНА КУЛИК.

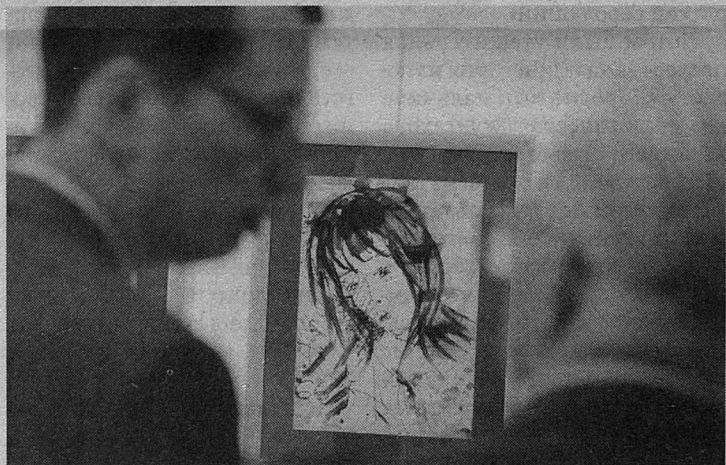
Галерея «Кино» уже давно занимается популяризацией творчества Анатолия Зверева. В 1998 году она даже организовала персональную выставку художника в Третьяковской галерее — но наследие мастера подполья столь несметно, что хватит еще не на одну монографическую экспозицию. Впрочем, существует мнение, что работы Анатолия Зверева ценны не столько как самодостаточная живопись и графика, сколько как своего рода документация того перформанса, в который художник превратил свою жизнь. Элементами этого перформанса было и бомжевание, и гомерическое пьянство, и знаменитая фраза «Дай рубль — увековечу», которую Зверь бросал своим потенциальным клиентам, и бурные сеансы рисования, в ходе которых художник пускал в ход свеклу и окурки, писал пальцами ног и вдрызг уделывал роскошные квартиры своих богатых меценатов, и бурный роман с вдовой Николая Асеева Ксенией, одной из тех самых сестер Синяковых, что вошли в историю русского авангарда, устроив в 1918 году футуристические похороны своей матери.

Обаяние этого мифа столь велико, что Анатолий Зверев оказался еще и самым подделываемым русским художником XX века. Выставка в галерее «Кино» возникла не только из желания лишний раз порадовать публику творениями прославленного бомжа, но и представить произведения, обладающие несомненной подлинностью. Все работы в экспозиции, происходящие из собрания самой галереи, а также из коллекции известного собирателя шестидесятнического искусства Сергея Александрова, атрибутированы экспертами ГТГ. К тому же некоторые из них несколько расходятся с каноническим мифом о юродивом гении, что вряд ли могут быть фальшками. Тут есть и карандашные

этюды конца 1940-х годов, изображающие в примитивисте-самоучке художника крепкой реалистической школы. Наброски 1950-х, показывающие отнюдь не просветленного блаженного, который любую модель видит как сказочную принцессу с глазами-звездами и гиацинтовыми кудрями, а злого на перо карикатуриста, с ехидной точностью запечатлевающего надутую физиономию щекастого ребенка, стержовно-брюзгливый профиль пожилой дамы, рассеянную чопорность витающего в эмпиреях чудака-ученого или сжатые губы злыдни-соседки, — несложно догадаться, какие драматические отношения с соседями могли складываться у буйного художника.

Канонический Зверев в «Кино» также представлен — «рембрандтовские» автопортреты, набросанные подчеркнуто стремительными линиями ню, женские портреты, порой условные до абстракции, но неизменно лестные для моделей, и исполненные наскального изящества штудии животных, которых Зверев рисовал с натуры в зоопарке.

Конечно, было бы очень интересно увидеть выставку, представляющую исключительно неканонического Зверева. Но миф о художнике-юродивом вряд ли удастся поколебать: культовость Анатолия Зверева во многом объясняется тем, что этот персонаж идеально соответствует чрезвычайно живучим, хотя и не вполне осознанным представлениям интеллигентского большинства об авангардном искусстве, согласно которым хороший авангардист должен быть буйным, спонтанным, диковатым, на лицо ужасным, но добрым изнутри. Дескать, он может и хотел бы рисовать нечто классически прекрасное наподобие Рембрандта и Леонардо (который для Зверева всегда был «главным художником»), только вот в силу своей «дикости» и инаковости не может — но старается, за что и достоин почитания и умиления. В этом смысле Анатолий Зверев оказывается куда более удобным авангардистом, чем куда менее странные в манерах и куда более вменяемые личности, чье нежелание следовать традиции не объясняется никакими смягчающими обстоятельствами.



Почитатели Анатолия Зверева предпочитают видеть в нем юродивого художника, для которого каждая модель — принцесса ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

Коммерсантъ 2005. 14 мая